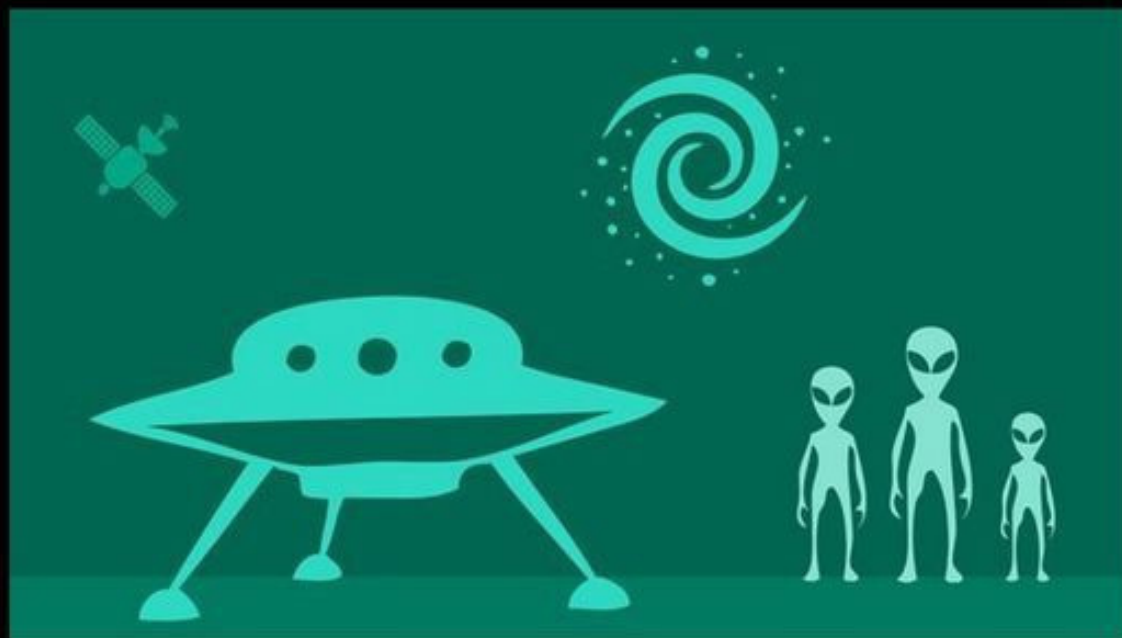

18+

Алекс Грарк

АНОМАЛИЯ

фантастические повести

Алекс Грарк

Аномалия.
Фантастические повести

«Издательские решения»

Грарк А.

Аномалия. Фантастические повести / А. Грарк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983601-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Фантастические повести «Происшествие на трассе М-4» и «Аномалия» объединяет тяга главных героев к приключениям в необычных условиях российской глубинки.

ISBN 978-5-44-983601-4

© Грарк А.
© Издательские решения

Содержание

Происшествие на трассе М-5	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Аномалия

Фантастические повести

Алекс Грарк

© Алекс Грарк, 2020

ISBN 978-5-4498-3601-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Происшествие на трассе М-5

*«Хорошо тому живётся,
У кого одна нога!
И ботинок меньше рвётся
И порточина одна!»*

Так распевал, въезжая на велосипеде на главный проспект города Егорьевска весёлый молодой человек в белой засаленной майке, коротких шортах и самых настоящих, правда, стареньких кедах ещё советского образца. Голова молодого человека была чисто обрита и слегка отливала синевой, видимо, от чистого безоблачного неба. Глаза его излучали доверчивость к людям, хотя сразу было заметно, что человек сильно проголодался и не прочь пожевать какой-нибудь пищи.

Городок Егорьевск стоял на государственной автотрассе М-5 и насчитывал немногим более трёх с половиной тысяч человек. Совсем недавно здесь была глухая деревня, которую водители проезжали со страшной скоростью, потому что кто-то сдуру догадался покрасить дорожные знаки на въезде и выезде в синий цвет. И бабки с одной стороны деревни метались к подружкам на другую сторону с такой же бешеной скоростью и потому имели крепкое здоровье и подолгу жили. Мужиков здесь осталось мало, менее тридцати процентов от всего населения, и кроме крепкого самогона другой радости они не имели, и старались на другую сторону с женщинами не соваться – могли не успеть перескочить дорогу, так как трасса М-5 на этом отрезке была очень оживлённой. Даже сами жители удивлялись здешнему отсутствию ДТП. Ни одной жертвы за всё время существования деревни и даже после переименования её в посёлок, а затем и в город! Сами переименования, однако, не привели к изменению положения с ограничением движения по центральной и единственной улице, кем-то в насмешку названной проспектом дедушки Калинина. Михаила Ивановича знал, да и то только понаслышке, завбиблиотекой Коля Калашников, но это был вообще шибко грамотный для здешних мест человек, которого и подозревали все приезжие в том, что именно он назвал улицу именем бывшего всесоюзного старосты. Но на скоростях проносившихся сквозь населённый пункт машин это совсем не отразилось: скорость не снижалась только из-за дорожных знаков. Знаки меняли несколько раз, но к утру надписи на них вновь оказывались на синем фоне. Приезжали из полиции, брали соскобы со знаков, чтобы провести расследование и найти злоумышленников, но ни к чему это не привело, причину не установили. А после того, как исчезли по очереди несколько накануне установленных красных знаков ограничения скорости до 40 километров в час, дэпэ-эсники плюнули на все эти чудеса и оставили деревню, то бишь город Егорьевск, в покое. Нет ДТП – ну и ладно!

Молодой человек в майке оказался настолько везучим, что даже на велосипеде сбил на обочине проспекта старую Пелагею и ловко кинулся её поднимать, бормоча извинения. Весёлость с него сразу исчезла, зато Пелагея, пытаясь самостоятельно выбраться из лужи, куда она нырнула вместе с велосипедом, изумлённо бормотала, неловко улыбаясь:

– Да как же это ты, сынок, смог-то? Мы ведь здесь – в Егорьевске – все заговорённые! Нас даже иномарки боятся, ни разу не поцарапали, а ты – вона! – сразу меня в грязь! Да ещё на такой неказистой технике...

– Бабуля! – говорил в это время молодой человек. – Я всегда такой неосторожный бываю, когда очень голодный! У тебя, случайно, покушать чего не найдётся?

– Как не найдётся? – удивилась поднявшаяся Пелагея. – Мой-то опять сильно захворал, вина обожрался! У него так всегда: как перепьёт, так аппетит и пропадает на несколько дней. Так что покормлю я тебя, конечно, больно уж ты тощенький будешь, как бы не помер...

И Пелагея крупно пошагала мимо проспекта впереди молодого лихача, понуро спешившего за ней, придерживая погнувшийся при падении велосипед.

– Тебя, милоч, как звать-то? – обернувшись на миг, спросила бабка.

– Остап я, так родители назвали в честь какого-то бога, – сознался парень, уже сильно уставший. Пот лил с него градом. – Бабуль! А когда мы до твоей избы доберёмся?

– Что? Упрел уже? – поинтересовалась Пелагея, на сей раз даже не повернувшись к нему. – Небось дойдем, не переживай... Слухай, милоч, а фамилия твоя случайно не Бендер? Внешне, правда, ты не похож на того деятеля, но мы пока о твоих делишках ничего и не знаем!

Через пару минут она свернула вниз к белому дому с открытой дверью. У двери сидел на пенёчке дряхлый дед, весь заросший и седой.

– Принимай, Ванёк, гостя! – гаркнула Пелагея от дороги, и дед вздрогнул, наклонился вперёд и чуть не упал, разглядывая пришедших.

– А кто это будет? – прошамкал он беззубым ртом.

– Как кто? – весело ответила Пелагея. – Познакомься – это Остап Бендер с Большой дороги. Сильно проголодавшийся, между прочим.

– Да не Бендер я! – замахал руками Остап. – Ваша супруга просто шутит...

– Моя супружница никогда не шутит! – сурово заявил дед Ваня и неловко завалился набок. И сразу громко захрапел. Выскочившая откуда-то из-за загородки чёрная невзрачная дворняжка жалобно заскулила и принялась лизать деду лицо, видимо, пытаясь его разбудить.

Пелагея постояла с минуту около маявшейся собаки, махнула рукой и повела гостя в дом.

– Никак ещё принял на грудь, видать, в погребке нарыл! И как только находит? Что ни нагоню – всё его, если у соседки не спрячу. В это время его лучше не трогать, всё равно ничего не соображает. Помой в углу руки и садись за стол, сейчас накормлю.

Вскоре на столе появилась тарелка дымящегося борща, тарелка с солёными огурцами и сковородка с утренней картошкой. Пелагея протянула Остапу кухонный нож и буханку ржаного хлеба. Он нарезал несколько ломтей и принялся насыщаться, а хозяйка села напротив и умильно смотрела на это зрелище.

– А чем же ты занимаешься, мил человек? – спросила она. – И какими судьбами занесло тебя в наши края из столицы?

Остап поперхнулся, приостановившись на секунду с трапезой:

– Откуда вы взяли, что я из Москвы?

– Понятно с первого раза, – уверенно проговорила Пелагея, проницательно разглядывая парня, – и по одежде, и по манерам, и по разговорам. Да ты жуй, не останавливайся! Голод – не тётка, на голодный желудок ничего толкового тебе не придумать!

Остап напугался ещё больше. Экстрасенс она, что ли?

– Зачем мне что-то придумывать? Сейчас поем и дальше поеду!

– Как же ты поедешь, коль каталка твоя сломалась? Не надо было наезжать на меня! Просто попросил бы покормить и всё... – Она надолго задумалась о чём-то, пока Остап доедал картошку с огурцами. Затем Пелагея оживилась:

– Переночуешь сегодня у нас в зале, постелю тебе на полу в углу. А утром починишь свою технику и попробуешь устроиться на работу. Кажись, в мэрии электрик требуется.

На этом вечер закончился. Остап сразу уснул рядом с хозяйским псом на стареньком полосатом матрасе, не дождавшись окончания семейных проблем и отключения света.

* * * * *

Пелагея разбудила нашего героя в шесть утра. Она включила на кухне свет и прогнала коротким прутом наглую псину, разделившую постель с гостем. Слегка прут задел и Остапа. Он сразу вскочил и собрался драпать, пока открыта дверь на улицу, но хозяйка предусмотрительно схватила его за резинку от трусов и только этим смогла остановить. Не терять же последнее нательное бельё!

– Тебя, Бендер, ждут в мэрии к полдевятого, – ласково пропела она, – я обо всём договорилась...

– Да не хочу я работать электриком! – рыпнулся было Остап. – И вообще никем работать не хочу! Мне и так хорошо. Везде покормят, обуют, приютят.

– Цыц! – рявкнула старая Пелагея. – Это я напрасно, что ли, про тебя – уголовника – старалась? Хотела помочь человеком стать!

Уже который раз Остап почувствовал властную силу Пелагеи, она будто мысли читала, знала про него больше, чем он сам. На сей раз он решил смириться и сделать, как она решила, придет время, и он даст такого дёру, что никому не угнаться!

– Ты только не думай, что сможешь сбежать отсель без моего спору! – догадливо сказала хозяйка, ловко накрывая на стол. – И дня не протянешь в своей паршивой жизни, если попробуешь меня обмануть. Сказала, что сделаю из тебя человека, значит, сделаю!

– Да кто ты такая, чтобы мною командовать? – вскипел Остап. – И вообще, перестань меня Бендером называть, мне до него далеко.

Однако он посетил пахнущий сосной новенький деревянный туалет и умылся во дворе, покосившись на деда Ваню, который будто и не был ночью дома, а так и ночевал под стоявшим рядом ветвистым дубом, завалившись на левый бок. Храпел он безбожно. Рядом пёс поедал какие-то куски из алюминиевой посуды, весьма отдаленно напоминавшей смятую вдрызг тарелку. Остап поглядел на вставшее из-за дороги яркое солнце, прислушался к непрерывному пению мчавшихся машин на автотрассе и вернулся в дом. За столом вместе с Пелагеей он пожевал горячей яичницы и попил крепкого чая с чёрным хлебом.

– Ты меня так и будешь кормить бесплатно, пока не перевоспитаешь? – спросил он Пелагею, покосившись на вошедшего пса.

– Ещё чего! – удивилась та. – Ты пойдешь работать, будешь вкалывать по самое не балуйся, а зарплату отдашь мне. Думаю, что месяц нам с тобой хватит.

– Не понял! На что месяц хватит?

– Так на твое перевоспитание! Дальше ты поедешь от меня нормальным человеком. Никто к тебе не будет с претензиями, никто тебя не будет искать, чтобы вновь посадить в каталжку. Или ты у нас хирувимчик? – добавила лукаво Пелагея, когда Остап попытался протестовать.

«Пожалуй, действительно не похож!» – подумал Остап и смирился с судьбой.

К мэрии Егорьевска Пелагея повела Остапа сама, видимо, забоялась, что по дороге потереется. Одноэтажное здание, ранее бывшее бойким магазином на трассе, имело солидную вывеску по принадлежности и помятую металлическую дверь с двумя ржавыми пружинами. За дверью в коротком коридоре пахло застарелой торговой точкой, а на полу были разбросаны куски смятой бумаги, двухжильных проводов и обрывки изоляционной ленты. Пелагея толкнулась в крайнюю слева деревянную дверь с наклеенной бумажной надписью «Мэр Егорьевска Понюшкин Георгий Васильевич». За столом у компьютера сидел носатый мужик в красном пиджаке и играл в «Солитёра». Пелагея насмешливо спросила:

– Ты, Жорик, не сильно занят? – не дожидаясь ответа, она продолжила: – Я тебе электрика нашла. Нужен? Или уже место занято?

Жорик медленно перевёл взгляд с монитора на вошедших и, ничего не сказав, продолжил игру. Однако левой рукой сделал какое-то неуловимое движение и в здании раздался тревожный звонок. Моментально в дверь ворвалась молодая дама широких размеров и невысокого роста, одетая весьма прилично для столь незначительного населённого пункта.

– Вызывали? – спросила дама.

– Займись новым электриком! – приказал мэр, не отрывая рук от клавиатуры, а глаз от экрана.

Получив команду, дама внимательно взгляделась в посетителей. Сразу узнав Пелагею, как постоянную просительницу чего-нибудь, она коротко ей кивнула и перевела взгляд на Остапа. Взгляд был очень оценивающий. Будто дама сама проработала электриком десяток лет и не хотела ошибиться в выборе кандидатуры. Подумав самую малость, дама протянула Остапу руку и коротко представилась:

– Оксана Петровна! Можно и Петровной величать, но главное соблюдать культуру речи.

– Это что за культура такая? – вынужден был спросить Остап. – Без красного словца что ли?

– Вот именно, без него самого! – сразу приняла деловой тон Петровна. – А то бывший до вас электрик обращался ко всему живому и не живому с обязательной добавкой кучи этих самых разнообразных слов – и красных, и синих, и даже фиолетовых! Думаю, что при вашем возрасте некоторые из тех слов вы пока не встречали ни в литературе, ни в обиходе.

Новый электрик не поспевал следить за её быстрой речью и казался сам себе ущемленным. Но Пелагея его успокоила, успев шепнуть, что помощница мэра всегда любит говорить красиво, но дело знает и всё будет хорошо. С тем она и оставила Остапа один на один с Оксаной Петровной решать производственные вопросы, а сама развернулась и ушла. Наверное, пришла пора накормить мужа.

Оксана Петровна, не теряя понапрасну время, вывела Остапа в коридор, завела в крошечный закуток в углу здания и показала рукой на стол с наваленным на нём инструментом, из которого часть напоминала электрические. Поскольку Остап разбирался только в тюремной электротехнике, ему было сложно сразу сообразить, достаточно ли на столе подсобного материала. К тому же пока он не представлял, что нужно делать в мэрии электрику. Или он будет обслуживать весь город?

Пока он раздумывал над этим вопросом, Оксана ловко взяла в правую руку пассатижи и, помахивая ими в воздухе, стала инструктировать:

– Вашей задачей будет содержать в образцовом порядке здание и прилегающую территорию. Вы всё увидите... А пока займитесь коридором, здесь уже две недели нет света. А оформление на работу в соответствии с Трудовым кодексом мы проведём завтра. – И повернувшись на каблучках, она быстро выскользнула из закутка, успев бросить пассатижи на прежнее место.

И понял Остап, что он по своему желанию или по чужому, но уже работает электриком при мэре Егорьевска...

* * *

В первую отсидку Остапу пришлось помогать разным людям содержать в порядке территорию, камеры, столовую, отхожие места. Среди задержанных и осуждённых встречались лица самых экзотических профессий, а уж электромонтёры там попадались на каждом углу и в каждой камере. Беда была в том, что с детства Остап боялся тока больше огня из-за неудачного опыта в детском саду, когда он вздумал двумя пальцами проверить дырочки в раздолбанной розетке. Подняли на ноги его тот раз быстро, но электричество с тех пор не привлекало, к работе с проводами он не стремился. И вот пришлось столкнуться, сколько-то дней он проведёт в нелюбимой профессии.

Остап обошёл стол, рассматривая наваленные на нём предметы, некоторые были более-менее знакомы. Потом вышел в коридор и обошёл его, изучая разводку проводов на стене. Часть проводов оказались разорванными, будто кто-то упражнялся с ними, проверяя на прочность. Большое окно в торце коридора позволяло работать в дневное время. Поблагодарив судьбу за то, что всё происходит летом, а не в зимние тёмные дни, Остап принялся за дело. Он нашёл щиток с пробками, на всякий случай вывернул их все, чем вызвал неудовольствие мэра, высунувшегося в коридор с просьбой позволить закончить игру на компьютере. Остап очень вежливо послал Жорика в определённом направлении. Но он успел скрыться в кабинете,

не дослушав адреса, а новый электрик, проверив оборванные провода на отсутствие напряжения, надставил их, скрутив накрепко плоскогубцами, и вновь ввернул пробки. Как ни странно, в коридоре моментально зажёгся свет, а мэр из кабинета крикнул какие-то слова благодарности. В туалете Остап помыл руки под струей холодной воды и хотел было найти Петровну для отчета о проделанной работе. Однако, понял, что этого делать совсем не стоит. Она может найти другую работу. Вместо этого Остап вышел из мэрии и прошёл по дорожке от неё до конца городка по эту сторону проспекта Калинина. За городом располагался шикарный пруд, где находилось, видимо, всё мужского население Егорьевска, кроме мэра. У каждого было по две-три удочки и все сидели в разных позах в ожидании поклёвки. Рыбы было, наверное, очень немного, потому что в течение получаса, расположившийся на пригорке Остап, на заметил никакого оживления среди окруживших водоём мужиков. Ближайший к нему громко позвал:

– Бендер! Половить не желаешь?

– Я не Бендер! – строго сказал Остап.

– Да какая разница? – удивился парень в красной рубахе. – Ты же – новый электрик у Понюшкина?

– Откуда вам известно? – удивился такой быстрой осведомлённости Остап.

– Да деревня наша маленькая... Мы здесь завсегда электрика с главной конторы Бендером величаем, имя нравится. Мы их уже троих закопали, невезучие оказались. Так будешь ловить или нет?

– Это в каком смысле – закопали? – заинтересовался Остап. – Кого?

– Электриков и закопали! Ну похоронили, если ты слов русских не понимаешь... Одного током долбануло, другой Васяткину жену соблазнил и тоже, значит, там очутился, в могиле, то есть. Васятка же срок тянет за убийство. Третий – в этом пруду утонул. Никто не может до сих пор понять, как его угораздило здесь утонуть, ведь глубже полутора метров нигде нет. К тому же твёрдый трезвенник был, ни разу в нашем местечке его пьяным не видели.

Остапу стало не по себе. Что-то здесь не так.

– Так вы здесь собрались...

– Наконец-то дошло! – облегчённо выдохнул парень. – Конечно, собрались поглазеть на очередного кандидата в жмурики. Рыбы-то здесь отродясь не водилось, хотя и были попытки развести...

Остап повернулся и бросился домой к Пелагее. Он схватил валявшийся у загородки велосипед и начал его рассматривать со всех сторон на предмет срочного ремонта. Бородатый Иван в накинутаой на грязную майку телогрейке с любопытством посматривал на него с завалинки, изредка пригубляя полторашку из-под газировки. И псина была здесь же, радостно виляла хвостом, обнюхивая детали велотехники и приноровляясь помочиться на них. Остап отогнал её и пошёл в дом искать Пелагею. Она стояла в углу перед образом и истово крестилась. В другом углу стояла большая полная бутылка с мутной жидкостью и несколько пустых поллитровок, одна из них – с небольшой воронкой.

Остап сел в старое кресло у стола и задумался. Велосипед починить сложно, нужно искать специалиста, а денег нет. С другой стороны, всё, что с ним случилось, это судьба, нужно за жизнь бороться. Ну похоронили кого-то здесь... А мы к бабам приставать не будем, чем резко уменьшим опасность работы электриком. И купаться в безрыбном пруду не станем, даже под расстрелом! И с током сдружимся, отрубать весь город будем, даже если только лампочку вкрутить потребуется.

Пелагея закончила свой намаз и повернулась к нему:

– Чего припёрся так рано? В разгар рабочего дня! Так ведь и уволить могут. Есть захотел? Ну и прожорливый ты, Бендер!

– погоди, бабуль! – взмолился Остап. – Ты объясни лучше, что здесь у вас творится-то! Мужики на пруду собрались и на меня как на покойника уже смотрят. Говорят, что с электри-

ками в Егорьевске всегда какая-нибудь беда случается. Я на такое не подписывался, давай я ещё кем-нибудь поработаю?

– Да не волнуйся ты! – засуетилась Пелагея, собирая на стол. – Вот, к примеру, наш старый Евсеич проработал электриком сорок лет до самой смерти. А молодые, действительно, не уживаются пока. Может, наколдовал он чего перед смертью, его за глаза колдуном мы звали. Но тебе предстоит это перебороть, наладить у нас хорошее электрохозяйство. Вон как ловко ты сегодня свет в мэрии починил! Мне Петровна все рассказала и похвалила тебя. Заодно и трудовую книжку оформленную передала, на столе лежит. Небось, такой у тебя никогда не было, наконец-то становишься человеком!

С нехорошими предчувствиями пообедал холодными щами Остап и, подбадриваемый радостной Пелагеей, побрёл к месту основной работы мимо храпящего у дома на телогрейке Ивана. Полторашка его была почти пуста и, похоже, что хозяйская собака тоже отведала из лежащей горизонтально пластиковой бутылки, потому что вытянулась рядом с дедом и тоже посвистывала носом, не обращая ни на кого внимания.

* * *

В кабинете мэра темная занавеска прикрывала окно и царил небольшой полумрак. Компьютер был выключен, и у освобождённого от основных дел Понюшкина Георгия Васильевича на коленях сидела Оксана Петровна. Она уверенно говорила, полуобнимая шею мэра и глядя по его лысой голове другой рукой:

– Жора! Нужно попробовать пробить в области дополнительные средства для Егорьевска, мы могли бы неплохо ими воспользоваться. К пятнице я подготовлю перечень мероприятий, для осуществления которых городу обязательно потребуются деньги.

В дверь осторожно постучали. Петровна изящно приподняла свой зад с коленей мэра, а сам он мгновение спустя громко буркнул:

– Входите, не заперто!

Вошёл местный полицейский младший лейтенант Василий Ивашкин.

– Явился доложить, шеф! – с порога очень бойко начал он. – Своих подчинённых буду представлять к увольнению, опять вдрызг нажрались оба, а меня послали в одно известное женское место. Предлагаю повысить зарплату и набрать новых.

Мэр задумался, затем изрёк, поглядывая с удовольствием на отдернувшую шторку и застывшую у окна Оксану Петровну:

– Знаете, коллеги! Нам в Егорьевске, как и в областных городах тоже пора вводить институт правительства со своим премьером и министрами. Ведь в порядочном городе куда не плюнь – очень сложно не попасть в министра! Тогда бы я только заслушивал отчёты о проделанной работе. Кстати, в этом случае нам уж точно добавят средств на развитие городского хозяйства, инфраструктуры и, естественно, мы сможем повысить себе зарплату. Вот ты, Ивашкин, хочешь стать министром внутренних дел?

Молоденький полицейский вздрогнул и испуганно уставился на мэра:

– Что вы, Георгий Васильевич! Не хочу, конечно, зачем мне это?

Оксана Петровна улыбнулась одними глазами и пошла к себе в кабинет, чтобы не слышать пустых мужских разговоров.

– Как зачем? – рявкнул мэр. – У тебя какая сейчас зарплата? Получаешь ты сколько?

– Восемь с половиной тысяч в месяц! С мелочью...

– Во-о! А назначим тебя министром – сразу станешь богаче минимум в десять раз!

– Это как? – не смог сам сосчитать Ивашкин, полученное в училище образование не позволило.

– А так! Восемьдесят тысяч оклад тебе положу без всякой мелочи и такую же премию за каждого пойманного твоим министерством преступника. И новым подчинённым твоим добавим. Теперь ясно?

У Ивашкина что-то замелькало в глазах, видно, вспомнив школьный курс арифметики, он занялся расчётом, и сразу доложил:

– Господин мэ́р! Ведь это что же получается? Если мы половину города сдадим, как преступников, я сразу смогу купить домик у моря в Майами! Это ведь здорово! Когда прикажете начинать?

Понюшкин несколько минут переваривал сказанное полицейским, задумчиво подошёл к открытой двери и захлопнул её. Потом спросил:

– А где ты столько у нас преступников найдёшь?

– Ну как? – удивился будущий министр. – Ведь если захотеть-то, что хочешь можно в любом хозяйстве найти. Или подбросить! Вот я иностранное кино анэдэсь глядел, там наркотики аккуратнó так подсовывают в самые неожиданные места, а затем всей гурьбой находят... С понятными, ясное дело.

– Это ты Пеллаге́е, что ли, наркотики подбросишь?

– Так совсем не обязательно, можно её полуживому деду. Все равно он скоро от самогону помрёт! Вашей помощнице Петровне можно потихоньку в сумочку положить, она её часто везде забывает. Это как захотеть! Какую цель себе поставить!

– Э-э, батенька! – укоризненно проговорил мэ́р. – Передумал я тебя ставить министром, не дорос ещё! Башка пока у тебя не варит в достаточной степени. Вот подумай сам: где ты столько наркотиков найдёшь для работы?

Ивашкин поморгал глазами и предложил:

– Пусть с наркотой не получается! Но в своём облечённом правительством городке мы могли бы издать закон по запрещению самогоноварения. После этого можно будет посадить всё население. И вам, господин мэ́р, в Майами квартирку прикупим...

– Ты погоди, любитель океанских просторов и заморских островов! Чем тебе моя Петровна стала не по душе? Меня, например, она всем устраивает, – он облизал свои пухлые губы, – что ты к ней имеешь? Разве не знаешь, что я с ней сплю?

– Да ничего не имею, – опять испугался полицейский, с которого враз слетела министерская осанка, – и потом – у вас жена есть... – растерянно добавил он.

– С женой я тоже сплю... – устало ответил мэ́р. – Одна морока с тобой, сыщик Егорьевский! Иди, работай!

Очень расстроенный вышел из мэрии Ивашкин и, увидев Остапа, бредущего от Пелагеи, недовольно спросил:

– А ты чего, Бендер, туда-сюда бегаешь? От работы линяешь?

– Никак нет, господин полицейский! – вытянулся перед ним Остап. – Прикажете что-нибудь починить в нашем электрохозяйстве?

Поскольку к Ивашкину в бывшей деревне никто так почтительно не обращался, чаще величали по старинке ментом, он сразу подобрел и неожиданно сделал Остапу предложение:

– Бендер, а ты бы смог стать министром энергетики Егорьевска? Потянул бы такую работу?

Остап очень удивился и, подумав, что у мента неожиданно поехала крыша, молча обошёл его стороной и поднялся в здание мэрии. Здесь он зашёл в своё крошечное, пытавшееся стать родным помещением размером с небольшой туалет, сел на стул и, склонив голову на сложенные на столе руки, очень скоро задремал.

* * *

Во сне Остапу привиделось, что он действительно назначен министром энергетики Егорьевска и начал преобразовывать город. Перво-наперво он разместил вдоль оживлённой автотрассы большое количество простеньких ветряных установок собственной конструкции, собирающих энергию ветра от мчащихся с огромной скоростью машин. Это позволило полностью отказаться от внешнего электричества. Затем Остап придумал использовать разработанные где-то за рубежом новые фотоэлементы с высоким КПД. Расположенные на полях площадью несколько десятков квадратных километров, они позволили очень выгодно продавать избытки электроэнергии в соседние города, а сельские жители, использовавшие до этого поля в целях выращивания злаков и овощей, сидели по домам и смотрели телевизор, изучали дальние страны с помощью Интернета, да ещё получали высокие дивиденды с прибыли нового энергохозяйства. И, конечно, гнали самогон, пили самогон, продавали самогон в ближайшие и отдалённые населённые пункты. Здесь они тоже имели хороший навар, так как сахар был дешёв, а водка и другие крепкие алкогольные напитки облагались правительством всё большими налогами, и цены на них росли, как на дрожжах. Егорьевчане же для улучшения качества своего самогона не скупилась на самые современные перегонные аппараты, которые помогали гнать наичистейший спирт без всякого постороннего запаха. Из этого спирта несложно было изготавливать прекрасные настойки любой крепости. После откомандирования одного умного человека за границу в Грузию, местные умельцы научились получать разных сортов коньяки и бренди. Бутылки и этикетки приобрести труда не составило, поэтому вскоре Егорьевск превратился в ликероводочную столицу всей России. Министр энергетики занимал один из лучших домов в городе, где принимал своих помощников и давал им ценные указания. Во время одного из таких рабочих моментов Остапа разбудил крепкий толчок в плечо и окрик:

– Бендер! Ты здесь электриком устроился или мечтаешь мэра сменить?

Остап вскочил и увидел перед собой совершенного незнакомого человека в поношенном красном костюме и в тапочках на голую ногу.

– Вы кто? – спросил Остап. Лицо у незнакомца исказилось гримасой недовольства, как будто он считал, что в здешних местах его знали абсолютно все, включая грудных младенцев.

– Я – Калашников! – веско произнёс он и проследил за реакцией Остапа.

– А я – Остап Говоров! Будем знакомы. И не зовите меня Бендером, я не Бендер!

– Я – Калашников! – побагровел незнакомец, не ожидавший, видимо, отсутствия элементарного чинопочитания.

– Так вы тот самый Калашников? – что-то сдвинулось во взгляде Остапа. – Вы, кажется, изобрели автомат для войны?

– Вы – невежа, господин Бендер! Никакого отношения к автомату Калашникова я лично не имею. Я здесь руковожу районной библиотекой.

В каморку электрика заглянула Оксана Петровна и строго произнесла:

– Гражданин Говоров! В нашей библиотеке перегорели пробки, Николай Дмитриевич пришёл за вашей помощью. Вы собираетесь идти в библиотеку, или мне оформить вам увольнительную записку?

– Ах, пробки! – воскликнул Остап. – Так бы и сказали! А то разорался здесь: я – Калашников, я – Калашников! – и мстительно добавил: – А автомат-то другие изобрели!

Остап мимо библиотекаря и помощницы мэра протиснулся к выходу. Уже вне мэрии он дождался заведующего здешним пунктом просвещения и произнес в пространство:

– Ну и где здесь собраны ваши сокровища? Далеко ли расположены фолианты древних рукописей от главного здания города?

От таких слов из уст молодого парня Николай Дмитриевич Калашников чуть не пошатнулся. С виду он даже слегка потускнел.

– Да нет там никаких рукописей! – произнёс он извиняющимся тоном. – Просто меня никто не учил менять электрические пробки. И уже несколько дней желающие вечером

не могут насладиться чтением того небольшого количества литературы, которую отписали нам из области. Так! Мура всякая!

Они быстро дошли до библиотеки, расположенной всего в полусотне метров от места основной дислокации Остапа. Захвативший с собой новые пробки, Остап вкрутил их на место старых, подёрнутых зелёной плесенью, дом просвещения осветился, и на радостях Калашников предложил выпить за великую русскую литературу. Но Остап, помня о судьбе предыдущих электриков городка, резво отказался и, простившись, пошёл вечерять к Пелагеи. Первый рабочий день прошёл как будто удачно.

* * *

Гудение машин не умолкало ни на секунду. «Неужели и ночью здесь так? – подумал Остап, спускаясь к дому Пелагеи. – Сегодня я спал с дороги крепко, ничего не слышал, а к утру – как пчелиный улей!»

Деда Ивана у дома не было, собаки тоже. Пелагея одна сидела на улице под окном и чистила огромные картофелины. Она с любопытством взглянула на постояльца и спросила: – Я вижу, что тебе, Бендер, вроде у нас как бы понравилось? Или ошибаюсь? Машка Фунтикова передала мне, что ты на работе отличился, все задания выполнил. Хвалю!

Остап немного стусевался от похвальбы, присел напротив:

– Слушай, бабуль! А где ты такую картошку достала? Ведь двумя руками не обхватить!

– Из погреба, откуда же ещё? Нонешний урожай картофеля ещё не созрел. А то, что крупная картошка у нас – так это дед придумал в прошлом году. Он ведь не подумай, что старый и дурной, когда-то здесь председательствовал, деревня при нём была знатная, образцовая. На ВДНХ возил экспонаты выставлять, выращенные на этих полях. Там я с ним и познакомилась. Влюбилась по самые уши! Иван тогда шустрый был, сразу мне ребёночка подарил в гостинице – короче, обрюхатил – и удрал в свою деревню. Не знал, с кем связался, мне найти его было нетрудно. Сынок наш Федя сейчас в Африке, в какой-то стране при посольстве работает, через два-три года прилетает проведать. И каждый раз с новой негритоской – весь в папу кобель оказался. Хорошо хоть, черных внучат ещё не привозит.

– Ну и как дед Иван такую картошку вырастил? – нетерпеливо уточнил Остап.

– Да откуда мне знать-то? У него свои секреты, у меня – свои. Что-то он там на огороде сыпал перед посадкой, какое-то зелье, что Федя последний раз ему привёз со своих африканских югов, и урожай дюже хороший получился! Сначала одна картофелина в ведро не влезала, а на следующий год я Ваню попросила, и он по-другому что-то сделал, а то чистить неудобно и слишком надолго одной хватало – на неделю. Теперь-то, смотри, три штуки всего берёшь и на обед, и на ужин, да и Жучке хватает.

Вдруг Пелагея забеспокоилась:

– А чтой-то у тебя с рукой, Бендер?

– С какой рукой? – испугался Остап. Он осмотрел обе руки и, действительно, на левой руке ниже мизинца обнаружил небольшую ранку с запекшейся кровью. – Так это, наверное, проводом в мэрии поцарапался. Пройдёт!

– Нет, дружок! – твёрдо сказала Пелагея. – У нас это может и не пройти. Говорю тебе, мы здесь все заколдованные, ничего нас не берет в нашем Егорьевске. А чужаков город не любит. Так что обязательно полечить надо, не то загноится.

Она дочистила третью картофелину, помыла под умывальником руки и подошла к сидящему на прежнем месте Остапу.

– Давай руку!

Остап недоуменно взглянул на неё:

– Зачем?

– Лечить буду. Давай, давай, не бойсь!

Остап недоверчиво протянул ей левую руку. Пелагея внимательно осмотрела царапину, слегка помассировала руку, затем отпустила со словами:

– До свадьбы заживет!

Остап с любопытством проверил всю руку, но ничего не обнаружил, ранка исчезла.

– Ну, ты, бабуль, даёшь! – восхитился он. – Как это тебе удалось?

– Да ладно, пустое! – отмахнулась Пелагея, забирая со стола кастрюлю с чищеной картошкой и направляясь в дом. – Семечки это, а настоящее тебе только предстоит увидеть.

Остап задумчиво прошёл на огороженный участок за домом. Растения, которые он увидел, потрясли его не хуже гигантских картофелин. И огурцы здесь росли и помидоры, и даже арбузы. На одной единственной яблоне висело несколько десятков таких крупных яблок, каких ни в одном московском магазине Остап не встречал. Он не так удивился тому, что в этих краях вырастили арбузы, как их размеру. Для сравнения он сел на травку рядом с ближайшим плодом и оказался ниже его.

– Охренеть! – не удержался Остап от восхищённого возгласа.

Вернувшись к дому, он застал утреннюю картину: дед Иван и хозяйская псина лежали рядом с открытым пластиковым пузырьём и дремали.

Поужинав с Пелагеей, Остап в своём углу тоже задремал с удовольствием, хотя времени ещё и восьми часов вечера не было. Но спать хотелось дико, наверное, с чистого деревенского воздуха и от чувства хорошо выполненной работы.

* * *

Придя утром на работу, Остап первым делом зашёл в кабинет помощницы мэра. Ему нужно было кое-что уяснить.

– Оксана Петровна! – спросил он с порога. – Разрешите обратиться?

– Разумеется, Остап Иванович! – вежливо ответила Петровна, направив на него свой пронзительно-изучающий четырёхглазый взгляд.

Остап всегда считал людей, пользующихся очками, четырёхглазыми, частенько говорил им об этом в лицо, хотя не всем это нравилось. Были, правда, и такие, кто на подобное обращение хохотал до упаду, но обиду всё равно затаивал.

– У меня возникло несколько вопросов за первый рабочий день. Вначале хочу уточнить, кто мой непосредственный начальник?

– Все задания будете получать через меня, – твёрдо заявила хозяйка кабинета.

– Ещё такой вопрос: вы с мэром люди приезжие или коренные, местные?

Оксана Петровна поднялась из-за стола, сдвинув ворох канцелярских бумаг в сторону, подошла к окну и, глядя куда-то вдаль, задумчиво проговорила:

– Мне ваш вопрос, Остап Иванович, очень понятен. Ответ на него простой: мы – здешние, родом с деревни Егорьевки, затем ставшей поселком Егорьевским, затем городом. Но, конечно, отличие егорьевчан от пришлых людей сразу бросается в глаза, – она поправила свои линзы, – причём мы понимаем, в чём наше отличие. А другим этого не дано понять. Пелагея меня сегодня предупредила, что вы захотите всё узнать, но местные тайны не выдаются! Может, кто-то и откроется по доброте душевной, но таких у нас очень мало.

Остап удивился:

– Когда это Пелагея с вами могла сегодня переговорить? Она же всё время дома сидит, а я сразу в мэрию помчался!

– Не удивляйтесь! – улыбнулась одними глазами Петровна. – Вам ещё многое придётся не по душе, но, поверьте, жить здесь можно, даже среди таких, как Пелагея. Кстати, она не одна у нас в Егорьевске такая. Её способностями владеет, как минимум, каждая вторая женщина. а уж в её-то возрасте..!

Остап перестал удивляться ещё после вчерашнего вечера. Он только уточнил:

– А сколько же Пелагее годков стукнуло?

– Что вы? – в глазах Петровны промелькнуло странное выражение. – Кто же это может знать? И ей это вряд ли известно...

После этих слов Оксана Петровна будто поняла, что сказала немного лишнее, решительно села к столу и склонилась над своими отчётами:

– Идите, дорогой, идите! Сегодня у вас ремонт внутриворобного освещения вокруг здания мэрии.

С тем Остап и поплелся в свою конуру – весь озабоченный странными загадками. «Подожди, – подумал он, – найду у кого справки навести!».

С фонарными столбами он разобрался быстро, к тому же сразу в своей каптёрке нашёл когти для лазания на верхотуру. Пришлось, конечно, повозиться, но, когда от выключателя ярко вспыхнули все четыре фонаря, Остап почему-то обрадовался. Так он не радовался даже при удачном побеге из СИЗО под Москвой. И даже при бесконечно лёгкой краже в тот же день кем-то брошенного у магазина велосипеда. Ему показалось, что само по себе работать не так уж и плохо. К тому же знаешь, что тебя накормят, положат спать, оденут. Если бы ещё не странность местных жителей с ихними тайнами, да не удивительные загадки на каждом шагу заколдованного города...

«Заколдованного?.. – подумал Остап. – А ведь я сам назвал его заколдованным! За кем-то повторил...». И он стал вспоминать, кто первый произнёс это слово совсем недавно. Но не вспомнил и решил пройти на пруд, посмотреть, что там нового. К сожалению, до пруда он не добрался, а встреченный вчерашний парень-рыболов очень удивился:

– Это какой пруд ты, Бендер, ищешь? У нас в городе пруда никогда не было! Если только в Маслово тебе съездить на своем драндулете, но ты же его ещё не починил?

«Ну, конечно, – подумал Остап, – откуда здесь быть пруду? Они же все меня за дурака держат!». А вслух он спросил:

– А ты, часом, не знаешь, кто может мой велик привести в порядок? Там инструмент только нужен, а у меня ничего нет.

– Да без вопросов у матросов! – ответил парень. – Тащи ко мне, во-он дом на краю видишь? С белой трубой и дисковой антенной? Вот туда часам к восьми вечера...

И пока Остап рассматривал трубу и антенну рядом с трубой, парень исчез, как будто его и не было...

* * *

Перекусив в обед дома у Пелагеи, Остап перед уходом в мэрию спросил осторожно:

– Бабуль! А правда говорят, что ты выглядишь значительно моложе, чем по своим годам? Вот я тебе больше, чем семьдесят лет ни за что бы не дал!

– Ладно тебе, Бендер! – сразу отозвалась Пелагея от плиты, где готовила какую-то похлёбку. – Ну, кто же у женщины о возрасте спрашивает? Молодой ты ещё, потому не понимаешь и интересуешься. Какая тебе разница? Ты что, жениться на мне собрался? – видя, что Остап отчаянно замахал руками, она добавила: – Вот видишь? К тому же у меня законный супруг имеется.

– Тогда скажи, сколько лет твоему законному стукнуло? – не отставал Остап.

Сначала Пелагея задумалась, но всё-таки ответила:

– Тоже трудно сказать. Он ведь здешний, у них – в Егорьевске – много таких чудных – и на пятьдесят лет тянут на взгляд, а то и на все сто. А на самом деле... Точно могу сказать только одно: при мне Ванька помирал всего три раза.

– Как помирал? – всё-таки удивился Остап, хотя дал себе зарок в этих местах больше ничему не удивляться.

– Обычно. Как все помирают: в гроб его клала с соседками, отпевали вместе, а к утру смерть уходила, видно, боится она его.

– Да что ты, бабуль, мне сказки рассказываешь? Как это может быть, чтобы смерть уходила? Помер человек и помер! А Иван что делал, если помер? В гробу полежал, а утром на работу побежал? Или в огород картошку сажать? А может, смерть самогона боится и Ивана не берёт? Что же это за город такой – ни от кого правды не добьёшься!

Остап махнул рукой и пошёл на работу. Подойдя к мэрии, он увидел двери запертыми, а на видном месте висел листок, отпечатанный с помощью компьютера:

«Остап Иванович! Мы с Георгием Васильевичем уехали в область к губернатору. Ключ лежит слева под кирпичом. Проверьте освещение по всем кабинетам, затем загляните на чердак – там бывший мэр когда-то устроил себе комнату отдыха, необходимо всё там отключить, провода обрезать». Подписи не было.

Остап достал ключ, пошёл заниматься делом. Кабинеты были открыты, в туалете он тоже всё проверил. Приставная лестница привела его через тонкую дверь в запущенное помещение под самой крышей, здесь было сумрачно из-за малой площади оконного проёма. Но электрический светильник был исправен, пришлось всё демонтировать, а концы обрезанных проводов изолировать.

После проделанного Остап посидел немного у своего стола. Он всё время удивлялся тому, что в мэрии ни разу не звонил телефон, хотя в обоих кабинетах он присутствовал: и у мэра, и у Оксаны Петровны. Остап даже проверил один – в трубке слышался длинный гудок станции.

Он вышел на улицу и сел около входной двери, облучаемый летним солнышком. Остап никогда не приучался к куреву, а без него время тянулось обычно очень медленно.

С проспекта Калинина свернул к одинокому зданию мэрии высокий мужик во фронтальном кителе и брюках с лампасами. Остап вскочил, вытянулся и отрапортовал:

– Здравия желаю, товарищ генерал! За время вашего отсутствия мэр поехал к губернатору!

Мужик внимательно поглядел на Остапа, потом на свою одежду, сказал:

– Да не генерал я, всего лишь пастух! Одежду по случаю купил, досталась очень дёшево, зато коровы меня в ней здорово слушаются, – он обратил внимание на открытую дверь. – Откуда знаешь, что мэр к губернатору подался?

Остап с достоинством ответил:

– Так здесь на двери записка имеется! – и он закрыл дверь. Записки не было.

– Ну-ну! – не удивился генерал-пастух, сплюнув на обочину тротуара. – А на чём же он поехал-то? Его машина в гараже ремонтируется, сейчас сам её видел...

– Не могу знать! – растерялся Остап. И записка пропала, и мэр пропал, и Оксана Петровна пропала! Что за дела!?

Пастух потоптался у порога с минуту и ушел обратно на проспект, в самую гущу мчащихся машин.

«Сделал дело – гуляй смело!» – подумал Остап и повернулся запереть дверь. Вставляя ключ в замочную скважину, он обратил внимание, что записка оказалась на месте. После основного текста ниже на три интервала оказалась допечатка:

«Ключ оставьте, где взяли. Вот телефон трогать не надо было!»

Остап поозирался вокруг, но ближе полусотни метров кроме кучки гусей никого не было. Он пошёл к Пелагее готовить остатки велосипеда к ремонту. Пройдя часть пути, Остап совершенно непроизвольно оглянулся. На зрение он никогда не жаловался, но готов был поклясться, что закрытая дверь мэрии была девственно чиста – записка опять пропала...

У дома его поджидал дед Иван, как всегда небритый и разящий самогоном. На лавке рядом с ним стояла полная мутной жидкости полторашка.

– Ну что, Бендер? Выпьём за хорошую погоду?

– С удовольствием бы с вами выпил, дедуль, – проникновенно сказал Остап, – но я совсем непьющий. Да и к тому же мне велосипед в ремонт нужно отнести.

– А! Колька согласился починить твою технику? – спросил дед Иван неприязненно. – Зря ты самогонкой нашей брезгуешь! Она же целебная! От неё все болячки вмиг отлетают...

– Спасибо большое! – заторопился Остап. – Сейчас у меня и болячек-то нет.

– Будут! – сурово провозгласил дед и отвинтил пробку. Тут же из открытой двери дома к нему подбежала любимая псина-собутельница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.